

Речной рынок, на котором Эйгин покинул Филлипа, был почти переполнен к его возвращению. Некоторые караульные патрули устраивали драку по краям, пытаясь помешать зверям идти дальше, но их усилия едва ли позволили сделать вмятину.

Сам Эгин бросил свою лошадь и обрушился на трехэтажные здания, окружавшие площадь, пытаясь занять оптимальное положение для его лука. Он даже украл два дополнительных колчана стрел со станции охраны, не то, чтобы они были рядом, чтобы выразить протест. На этом этапе он выстрелил бесчисленными стрелами, изнуряя свой собственный колчан и делая вмятину во втором. Хорошей новостью было то, что стрелы были довольно эффективны. Несмотря на бешеное поведение существ, они все еще были похожи на людей, когда наносили им урон. В дополнение к преимуществу Эгина, все они, казалось, были гораздо больше заинтересованы в насыщении своего голода, чем в организации какой-либо стратегической обороны. Потому что так оно и было. Чистый и необузданный голод был единственной вещью, которая казалась им движущей силой.

Эгин вонзил еще одну стрелу и оттянул тетиву, нацелившись на одно из многочисленных бешеных существ внизу. Подобно тому, как он собирался освободиться, он почувствовал, что что-то приближается сзади, и быстро повернулся к огню. В нескольких метрах от него стоял отец.

Рэймонд Сумеречный едва узнал молодого человека до него. Не только его сын был старше, но и Эгин, которого он сослал, не смог бы чувствовать Рэймонда так далеко, не говоря уже о том, что у него была дисциплина, чтобы остановить его нападение сразу же, как только оно началось. Двое уставились друг на друга на мгновение, затем Эйгин повернулся лицом к квадрату и выстрелил стрелой.

"Не стойте просто так, - рычал Эйгин, - Филипп там внизу". Выполняй свой долг".

Его отец молчал, но через несколько секунд, Эйгин не мог больше чувствовать человека. Он выпустил дыхание, не зная, что даже держал его в руках. Не увидев отца в течение двух лет, Эйгин ожидал... ну, честно говоря, он не был уверен в том, что увидит, так как никогда не думал, что увидит отца снова. Но все же, даже если бы Эйгин видел его только на мгновение, уважения, которое он видел в глазах Рэймонда, было более чем достаточно. Это компенсировало годы, проведенные им как солдатом? Возможно, нет. Но это было то, чего он никогда раньше не зарабатывал, и этого было достаточно.

Эйгин сосредоточился на битве, которая происходила до него, и выпустил еще одну стрелу.

Филлип должен был признать, хотя его время в качестве рыцаря было только коротким, он никогда не был в такой интенсивной борьбе в течение длительного периода времени. Он ненавидел это признавать, но возраст начал его носить. Он уклонялся влево и вправо, нанося удары и резая своим длинным словом, когда у него была такая возможность. Он не знал, скольких на самом деле ему удалось убить, но он знал, что они умерли, их неподвижные тела

были более чем достаточным доказательством для этого. Но их бешеная натура... это напомнило Филиппу о старых страхах. Страхи, что он думал, что похоронен с той массовой могилой кроликов, которую нашел возле упавшего дерева. Когда он думал, что его сын превратился в чудовище, он часами пытался смириться с этим. Однако, в отличие от его сына, эти существа не могли быть аргументированы. Единственное, что существовало для них, это слепое, безудержное обжорство.

Он без проблем решал, убивать ли этих существ.

Другое, что он обнаружил, наблюдая за невинными, которые бежали напрасно? Если бы кровь этих существ смешалась с кем-то нормальным, или если бы кровь была проглочена, и это было бы их концом. Они бы вступили в ряды обжорливых. Такое быстро распространяющееся явление, неудивительно, что эта часть города так быстро была ввергнута в абсолютный хаос.

Филипп повернулся, взмахнув мечом на высоту талии и шагнув вперед, ударил ножом другого, а затем обернул меч вокруг головы и повернулся назад. Они просто продолжали приближаться. Он едва мог сделать паузу, чтобы вздохнуть. Он выбил в сторону другого, затем замахнулся мечом вниз, прохладная прохлада распространилась по его шее и...

Она исчезла в одно мгновение, и Филипп повернулся к человеку, на которого, как он думал, он больше никогда не будет смотреть, обезглавливая будущего убийцу.

"Рэймонд?"

"Так ты тренировал моего сына?" Кинжалы Рэймонда были смертельны, он едва остановился, чтобы сказать это, так как скрутил и повернулся, чтобы прикончить еще несколько.

Филипп нахмурился, затем посмотрел на крышу, где давно понял, что Эйгин сделала его окунем.

"Он уже тренировался, - ответил Филипп, возвращаясь к сражению".

"Спасибо, - ответил Рэймонд, - за то, что не сдался, как я".

Филипп ненадолго взглянул на Рэймонда: "Ты не единственный, кто отказался от своего сына".

"Значит, у тебя есть сын?"

Филипп улыбнулся: "Ты все еще не задаешь вопросов? Я же говорил, что это плохая привычка".

Он еще раз взмахнул мечом, потом втолкнул Рэймонду в спину, двое мужчин держались друг

за друга.

"Боги, заткнитесь своей ворчливостью", - сорвался Рэймонд.

Филипп усмехнулся, он не понимал, как сильно он это пропустил. Он вырос с людьми Хребта рядом с ним, гораздо ближе к ним, чем к своим вечно амбициозным братьям и сестрам.

Они сражались при лунном свете и маленьких точечных пожарах, которые вспыхивали от падающих факелов. Это было трудно в темноте, но они оба были обученными воинами, они не позволили бы что-то настолько глупое, как тьма останавливает их.

Внезапно, лунная тьма, казалось, исчезает дальше, и Филипп воспользовался возможностью, чтобы взглянуть вверх. То, что он увидел, было первым из многих случаев, которые позже заработают Господь ночи его имя.

Форма больше по размеру, чем у любой птицы, упавшей на землю, крылья, похожие на летучую мышь, распространились достаточно далеко наружу, чтобы заблокировать лунный свет.

Только когда Расса приближался к рыночной площади на северной стороне Фонтанного хребта, он понял, что не практиковался в приземлении. Тем не менее, было немного поздно беспокоиться о контроле, и если бы у него были переломы костей от падения, они бы зажили в любом случае.

Он позволил себе упасть, затем, в метрах от земли, расправил крылья широко, чтобы поймать себя, и быстро хлопнул им вниз. Звук, который раздался по площади, был похож на гром.

Расса сильно приземлился, а затем закатился, чтобы поглотить удар, он тут же сложил крылья и завещал им исчезнуть в тени, когда стоял и вытаскивал свои короткие мечи.

Казалось, что с его приходом квадрат остановился. Все эти существа, рожденные от его крови, они чувствовали, что он есть, кто он есть. И в тот момент, когда Расса уставился на них всех, он дал им точно знать, какое наказание было уступить их желаниям.

Все, кроме одного, который в тишине, врезался в теплое тело достаточно сильно, чтобы раздавить кости. Тело пошло плыть по площади, и прокатилось до остановки в более ясной области. Расса замер, когда увидел то лицо, те волосы, те глаза. Потом он увидел, как его отец кашлял кровью.

Держась за украденные мечи, Расса затянул глаза, и его взгляд повернулся к преступнику.

Тени проглотили ночь.

<http://tl.rulate.ru/book/35396/942892>